

Ю.А. Туманова

juartum@mail.ru

канд. филол. наук, доцент
кафедры русского языка
для иностранных учащихся
филологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Любая встреча неслучайна. Незабываемый ученик-учитель

Я познакомилась с профессором, кажется, в 1975 г.; значит, уже больше тридцати лет я переписываюсь с ним. Чуть меньше тридцати лет разделяет нас по возрасту, он старше. Несколько раз он приезжал на стажировку в Москву, в МГУ им. М.В. Ломоносова, на кафедру фольклора; один раз в 1991 г. я была в Японии по его приглашению.

Это внешняя сторона дела. А внутренняя заключается в том, что он для меня не только удивительный (ни на кого не похожий) друг, но, можно сказать, Учитель (сэнсей).

Про себя я называю его «продуктом» трех культур (понимая, что слово «продукт» звучит ужасно) — традиционной японской

самурайской культуры (во время войны он был летчиком-камикадзе, чудом остался жив); христианской культуры (он баптист по вероисповеданию); и русской культуры (он переводчик русских народных сказок, специалист по русскому сентиментализму).

Его зовут Генносукэ Канемото. Он много лет проработал на кафедре русской литературы в престижном университете Васеда в г. Токио. Сейчас Канемото-сан на пенсии, ему 86 лет, но он ведет активный образ жизни — построил за городом часовню и библиотеку, пропагандирует русскую культуру — читает лекции по русской литературе и фольклору в провинциальных университетах, является

членом Общества любителей русской литературы. Император наградил его Звездой за вклад в развитие японской культуры и международных отношений. Канемото знаменит, известен во многих странах, но в общении прост и наивен, как дитя, добродушен, любит немного выпить саке, чувствителен до слез. У него прекрасная, заботливая жена, четверо детей и много-много внуков.

Его отец был простым крестьянином. Канемото показывал мне маленькую, старую, всю выцветшую и пожелтевшую фотографию отца. Фотографии матери не сохранилось. Шестого августа 1945 г. Генносукэ Канемото должен был как камикадзе вылететь на боевое задание и не вернуться. Его спасло объявление о капитуляции Японии. Он остался жив и уверовал в Бога, стал баптистом.

Его старший сын изучал физику в США, он мог сделать в Японии неплохую научную карьеру. Но под влиянием отца сын стал священником и открыл свою церковь, где его жена и старшая дочь играют на органе.

Каждое воскресенье профессор Генносукэ Канемото-сэнсей и его жена Мияко-сан встают рано утром, часов в шесть, чтобы к девяти утра добраться на двух видах транспорта до церкви. Сын с женой и дочерью часто уезжает на машине еще раньше, чтобы подготовить все необходимое для службы.

Японцы — люди коллективистского сознания. Они не мыслят себя вне коллектива. Сначала коллектив семьи, потом коллектив церковных прихожан, далее коллектив кафедры в университете, где работаешь, и т.д.

Приехав в Россию, Канемото-сан объявил кафедру фольклора своей второй семьей. Проявляя отеческую заботу, он усиленно старался подружить меня с членами этой кафедры, чтобы я не была одна, чтобы мне было в этой жизни на кого опереться. Сам он крепко дружил с профессором Ф.М. Селивановым. Судьбы у них в чем-то были похожи. Оба — дети крестьян. Во время войны Ф.М. Селиванов тоже был летчиком. Они любили собираться без женщин — мужской компанией. В 1985 г., когда Ф.М. Селиванов защищал докторскую диссертацию, Канемото-сан проявил самурайскую преданность — приехал на защиту по туристической путевке. А я в это время защищала кандидатскую диссертацию.

В свой первый приезд на стажировку в Москву в 1974—75 уч. г. сэнсей почти не говорил по-русски, так как до этого занимался только письменным переводом русских народных сказок, собранных А.Н. Афанасьевым. Отмечу здесь, что к настоящему времени он перевел на японский русские и украинские народные сказки из всех трех томов.

В Москве христианское сознание Канемото-сан проявлялось на каждом шагу. Например, в профессорской столовой МГУ он собирал крошки хлеба со стола под осуждающим взглядом аспиранта, приставленного к нему для помощи в бытовых делах, и складывал их в свою френшку — большой платок, который превращается в узелок, если концы его связать крест-накрест. Он считал, что христианину грешно бросать хлеб. Это неуважение к крестьянскому труду.

Однажды в другой его приезд мы пошли с ним и его женой на концерт классической музыки в Дом ученых на бывшей Кропоткинской, а теперь Пречистенской улице. В фойе Дома ученых Канемото-сан остановился возле одной картины, на которую я раньше не обращала никакого внимания. Он-то сразу узнал библейский сюжет — ангел удерживает руку Исаака, готового принести в жертву сына. Канемото долго стоял тогда перед картиной, что-то тихо по-японски говорил жене. Глаза его сияли. Он, видимо, не ожидал в коммунистической Москве, в Доме ученых увидеть картину на библейский сюжет.

В 1975 г., для того чтобы активизировать его устную речь, кафедра фольклора направила его заниматься на кафедру русского языка для иностранцев, где я до сих пор работаю. Он всем казался человеком старым, хотя ему было тогда 55 лет. Правда, он был старомоден со своей френшкой, висящей на руке. У него была тяжелая, шаркающая походка, он очень много курил, и голос у него был скрипучий.

На нашей кафедре он обращался ко многим преподавателям с просьбой показать, где находится Симонов монастырь, так как повесть «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина была его любимым произведением.

Я перечитала «Бедную Лизу» с картой Москвы в руках и нашла по описанию Н.М. Карамзина точку на карте, где мог бы находиться монастырь. Кроме того, дома у меня была небольшая книжечка о церквях и монастырях Москвы с адресами и фотографиями. И хотя Симонова монастыря там не было, что-то говорилось о его развалинах. Карту Москвы и книгу я вручила профессору Канемото-сан. Через некоторое время он пришел счастливый: «Я был там, я видел это место! Спасибо, спасибо, спасибо...»

Во время стажировки на нашей кафедре Канемото приходил ко мне с вопросами, которые, видимо, ему было неудобно задать коллегам на кафедре фольклора. Вероятно, он стеснялся, думая, что нельзя беспокоить профессоров Ф.М. Селиванова или В.П. Аникина такими мелочами: «Юрия Аркадьевна, что такое «Фу-фу, русским духом пахнет?» или «Что такое «Встань передо мною, как лист перед травой?» Но мне ответы дава-

лись нелегко. Я не знала, как это можно прокомментировать при его малой способности понимать устную речь. Я призывала лаборантку с соседней кафедры, и мы вдвоем разыгрывали перед ним «театральное действие», изображая Бабу-ягу или неожиданное появление человека после произнесения магических слов. Нам было весело.

Потом я решила попробовать на нем нашу методику постановки русских звуков (я была тогда начинающим преподавателем, поэтому ничего не боялась). Я решила поставить ему звук [л], чтобы он не говорил на кафедре фольклора, обращаясь к коллеге Кулагиной, «Анна Васирьевна». И тут же потерпела поражение. Одно дело ходить на фонетические семинары и слушать теорию, другое — применить ее на практике. Ничего не получалось. Отбросив научный подход, я решила сыграть на его эмоциях — принесла стихотворение А.С. Пушкина, построенное на противопоставлении агрессивного [р] и мягкого, нежного [л]: «Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила... / И улыбалась ему, тихие слезы лия». А чтобы он не прикрывал губы замочком из согнутого указательного пальца (в Японии нельзя дышать на учителя, надо прикрывать рот), я принесла длинное узкое зеркало. Вот мы сели рядом перед зеркалом. Я письменно кратко прокомментировала содержание стихотворения. Он со словарем его перевел. И мы начали вслух перед зеркалом читать стихи. Много раз повторяли, в конце уже без опоры на текст. Получилось! Когда он пришел на кафедру фольклора и сказал: «Здравствуйте, Алла Васильевна!» — та чуть в обморок не упала. Так его хвалила, что я стала для него «лучшей преподавательницей в МГУ».

Перед отъездом Канемото пригласил меня в Большой театр на «Пиковую даму», мою любимую оперу. Когда Лиза пропела свою трагическую арию на мостике, он прошептал мне на ухо: «Все Лизы бедные!» Видимо, Н.М. Карамзин и А.С. Пушкин подвели его к этому выводу. Вообще Канемото-сан и театр — это отдельная тема. В Москве профессора и его жену (которая не говорила по-русски) я старалась водить на такие пред-

ставления, где знание языка было не нужно. Так, мы были в консерватории им. П.И. Чайковского, и, сидя в первом ряду, слушали «Болеро» Мориса Равеля. Супруги очень внимательно наблюдали за поведением оркестрантов. И было видно, что ритм болеро созвучен японской душе. Кукольный театр Сергея Образцова почему-то не произвел на них впечатления, хотя говорят, что японцы очень любят кукол. На выступлении ансамбля Игоря Моисеева Канемото-сэнсей достал блокнот и стал быстро и очень метко зарисовывать костюмы и движения некоторых танцоров, особенно ему понравился танец орла в казахской степи. Видно было, что ему, как фольклористу, все это по душе. Балет на льду покорила их своей удалью. Когда исполнитель украинского танца, с обнаженным торсом, в синих необъятных шароварах с красным поясом, мерил шпагатами по кругу ледяную сцену, я видела, что у них дух захватывает. А в Японии он пригласил меня на спектакль знаменитого театра кабуки. Сюжет был, как в театре классицизма, — борьба любви и долга. Канемото-сан обливался слезами. Мне тоже хотелось всплакнуть, но не получалось.

Яркие традиционные японские костюмы, скупые отточенные жесты артистов — все было пиршеством для глаз.

Преподаватель кафедры русского языка для иностранцев Н.А. Кольцова через своих знакомых устроила ему выступление по телевидению в программе, связанной с фольклором. Когда я смотрела эту передачу по телевизору, я не могла понять, почему его крупные для японца черные блестящие глаза смеются, хотя текст скучно научный. Оказалось, телевизионщики очень боялись, что он забудет русский текст. Они написали его крупными буквами на бумажной ленте и поместили ее на валу большого диаметра. Они потихоньку крутили вал, а Канемото читал текст. Эта русская хитрость, этот обман зрителя и заставлял его смеяться одними глазами. Может быть, ему было стыдно за наших перестраховщиков? Ведь там, где у русских слезы, у японцев смех.

Он позвал меня в Японию в 1990 г., чтобы я поддержала его психологически в трудный момент жизни — выход на пенсию. Он сказал прямо, что я для него то же, что Прекрасная Дама для А. Блока и что я для него Россия.